

власть во главу угла театральнѣйшей или иной критики. Никакая любовь, никакая гордость не можетъ пострадать отъ изображенія давно-прошедшаго бѣлымъ, когда оно было бѣло, чернымъ — когда оно было черно. Народная душа, какъ бы она ни была наивна — не листъ бумаги, на которомъ можно писать что угодно и какъ угодно. У народа есть свое опредѣленное представленіе о Грозномъ, заимствованное изъ пѣсенъ, разсказовъ, преданій. Увидѣвъ на сценѣ нѣчто похожее на это представленіе, онъ не будетъ ни удивленъ, ни возмущенъ, ни тѣмъ менѣе поколебленъ въ своихъ воззрѣніяхъ; увидѣвъ нѣчто другое, прямо противоположное, онъ подумаетъ, пожалуй, что его морочатъ, что отъ него скрываютъ правду — а развѣ таково должно быть впечатлѣніе, выносимое изъ народнаго театра? Не удивительно ли, дальше, то понятіе о справедливости, въ силу котораго обязательное молчаніе объ одномъ должно вести за собою добровольное молчаніе о другомъ? Во что обратилась бы наша литература, если бы она именно такъ понимала и практиковала справедливость, если бы изъ невозможности сказать правду о недавнемъ она выводила необходимость безмолвія и по отношенію ко всему предшествовавшему? У насъ не было бы, въ такомъ случаѣ, даже „Исторіи Государства Россійскаго“, и Карамзинъ былъ бы осужденъ на подражаніе Голикову. Во что обратилась бы наша сатира, если бы она сказала сама себѣ: я не могу задѣвать всѣхъ и все — ergo, я должна совершенно сложить оружіе? При такомъ самоотреченіи у насъ не были бы, до сихъ поръ, осмѣяны даже Скотинины и Простаковы... Новоявленная въ Москвѣ теорія лицемѣрія, доведенная до своего логическаго конца, угрожаетъ, очевидно, не одному народному театру. Народъ посѣщаетъ не только специально устроенный для него театръ; его привлекаетъ, все больше и больше, и императорская сцена — слѣдовательно, съ нею должны сойти такіа произведенія, какъ „Смерть Іоанна Грознаго“, гр. А. К. Толстого, какъ „Василиса Мелентьева“, или „Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“, Островскаго. Однажды вступивъ на такую дорогу, остановиться довольно трудно; можно, пожалуй, усмотрѣть и въ „Воеводѣ“ дерзкую хулу на управленіе царя Алексѣя...

Перль № 2-й: разбирается „Самородокъ“, комедія гг. Салова и Ге. Въ этой комедіи выведенъ на сцену „кулакъ“ Обертышевъ, стремящійся (говоримъ словами критика) „пожрать“ дворянское имѣніе и съ этою цѣлью „забирающій въ свои лапы“ сначала отца Курганова, потомъ — сына. Когда наступаетъ катастрофа (самоубійство жены Обертышева, влюбленной въ молодого барина), хроникеръ спрашиваетъ себя: кто больше виноватъ — Обертышевъ или Кургановъ, и отвѣчаетъ такъ: „я откровенно сознаюсь, что не вижу за Обертышевымъ никакой (!) вины. Онъ не сдѣлалъ на нашихъ глазахъ ничего незаконнаго. Очень можетъ быть,